

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-83-90

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

В.В. Овсепян

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

С распадом СССР неформальные общественные движения, деятельность которых стала проявляться на закате советской эпохи, получили возможность создать собственные институты, формируя 3-й сектор общества — гражданское общество. Активизации неформальных движений по всему СССР способствовала политика «перестройки». Неформалы в центре страны и в отдельных республиках отличались друг от друга идеологической направленностью. В частности, на Южном Кавказе пользовались популярностью неформалы националистического толка. Неформалы подготовили почву для экономико-юридической субъективизации неправительственных организаций уже в постсоветское время.

Ключевые слова: неправительственный сектор, НПО, гражданское общество, Южный Кавказ

Общественные организации, которые действовали в советском обществе, были зависимы от коммунистической партии или правительства. Подобные организации существовали почти с самого начала создания СССР: в 20-е гг. прошлого века только на Южном Кавказе действовали 20—30 локальных или региональных общественных групп и около 50 филиалов всесоюзных общественных организаций [3].

Советское общество породило различные неправительственные организации, профсоюзы, кооперативы и т.д., деятельность которых находилась на грани между политической и экономической. К примеру, комсомол (коммунистическая молодежная организация) и даже детские пионерские организации отличались крайней политизацией и идеологизацией. Другие организации, не менее идеологизированные профсоюзы, кооперативы, действовали между экономическим и гражданским секторами. Это значит, что такие организации преследовали не только и не столько гражданские, сколько политические (правительственные, партийные) и экономические (извлечение прибыли и его правовая защита) интересы. Поэтому их нельзя отнести к ряду неправительственных организаций в современном понимании.

Сталинский период отметился ужесточением условий существования общественных организаций, кульминацией чего стало решение ЦК КПСС 1928 г. о перерегистрации общественных организаций. В результате перерегистрации, разного рода ограничений и репрессий в конце 1940-х гг. во всем СССР остались всего 20 всесоюзных общественных организаций. Коммунисты обосновывали такую политику тем, что в ликвидированных организациях нет «советского элемента и со-

циалистической идеологии» и что они являются «контрреволюционными» [3]. Таким образом, развитие гражданского общества даже в его полунезависимом варианте было прервано.

Период от правления Н. Хрущева до М. Горбачева в истории советского государства многими считается посттоталитарным. Несмотря на относительно низкий уровень вмешательства государства в личные дела общества и граждан, организационная и операционная деятельность советских общественных или публичных организаций регулировалась партийными решениями. Система запретов и ограничений подготовила почву для возникновения подпольных неформальных гражданских организаций. Политические, экономические и социальные ограничения со стороны коммунистической номенклатуры привели к тому, что в обществе развивалось политическое инакомыслие.

В период «оттепели» в СССР появились диссидентство и диссидентские группы, которые включили в свои ряды разных культурных, научных и общественных деятелей от либерального диссидента А. Сахарова до деятелей консервативной и националистической ориентации.

Что касается южнокавказского региона или Кавказа в целом, то здесь были распространены больше нелегальные, скорее криминальные группировки, основным родом деятельности которых был теневой бизнес. Диссидентское движение в кавказских республиках, в свою очередь, носило националистический характер: деятели искусства и культуры, ученые и неформальные влиятельные представители общества видели будущее своего народа в рамках независимого национального государства.

Провозглашенная М.С. Горбачевым политика перестройки и гласности послужила началом «возрождения» независимого гражданского сектора в СССР. Неформальное движение, в условиях закрытого общества в СССР, сумело пережить репрессии и преследования хрущевского и брежневского режимов в первую очередь благодаря своей оазисной структуре: слабая централизация и разнородность организаций.

В стране Советов впервые за все время существования на практике индивидам давались определенные свободы в социальной и политической жизни. Уже позднее провозглашалась независимость СМИ. Гражданам разрешалось создавать и участвовать в независимых от государства организациях с разными сферами деятельности: от экологии и прав человека до локальных незначимых вопросов.

Как правило, возрождение гражданского сознания и формирование различных неправительственных организаций как его результат происходило в больших городах. В сельской среде и отдаленных регионах, где люди продолжали жить своими традициями, важную роль играли местные авторитеты, кланы, влияние которых распространялось только на «своих» в границах одного региона и имело минимальное воздействие на публичную жизнь СССР в целом.

Из-за скорости и резкости, с которой единственный Президент страны Советов и его окружение отказались от прежних форм и традиций политической и социальной жизни, многие ставили под сомнение всю политику Горбачева. Радикальное реформирование общества, которое формировалось и функционировало

на противоположных демократии и рыночной экономике принципах, очевидно, носила в себе неблагоприятные политические, экономические, социальные риски, которые в последствии оправдались. Общественность получила возможность обсуждать такие темы, которые до этого просто являлись табу. Тогда не было четкого отделения гражданских свобод от политических: различные слои и группы советского разнородного многонационального общества восприняли свободу и открытость абсолютно и по-разному.

Очевидным и деструктивным последствием горбачевских политических и социальных реформ стал резкий всплеск национализма в регионах. Тот вакуум, который возник на Южном Кавказе после ослабления центральной власти как регулятора общественно-политических взаимоотношений, заполнялся не активными гражданами и независимыми гражданскими организациями, а националистами и национальной идеологией. Изначально представляющие гражданские интересы организации вскоре были политизированы. Ярким примером этого процесса являются экологические организации: в начале боролись за защиту природы, но очень быстро превратились в суррогаты политических партий.

В конце 1980-х гг. горбачевская перестройка породила ряд экологических организаций в Эстонии, Латвии, Литве, Армении, Грузии и на Украине, так как советская власть была толерантна в отношении к экологическим вопросам, не видела в них политического компонента. Когда началась волна демонстраций защитников окружающей среды на Южном Кавказе, советское правительство не стало сразу пресекать их, а в духе «гласности» позволило мирное «волеизъявление граждан».

В рядах активистов были самые продвинутые люди общества, ученые, писатели, деятели искусства, которые время от времени отправляли письма жалобы государственным чиновникам как в республиканский центр, так и в Москву. К примеру, в марте 1986 г. группа интеллектуалов из Армении написала открытое письмо Генеральному Секретарю Горбачеву, где детально описывала причины загрязнения окружающей среды и экологической деградации и выступала с предложениями, вплоть до закрытия таких промышленных гигантов, как Медзаморской АЭС и химический завод «Наирит» [6].

С середины 1988 г. экологические демонстрации, как на Южном Кавказе, так и в Прибалтике, переросли в движения, которые стали требовать расширения национальных прав, политических реформ и поэтапную независимость.

Неформальное гражданское движение на Южном Кавказе трансформировалось в национально-освободительскую борьбу против центральной власти, чему, в свою очередь, способствовало административно-территориальное деление в отдельных регионах, в частности на Кавказе. В новых условиях пресловутая конфликтогенная национальная политика компартии «принесла свои плоды»: межнациональные противоречия постепенно переросли в открытый военно-политический конфликт.

Подпольная националистическая организация «Объединение» (Миацум), которая сформировалась в 1968 г., была одной из первых неформальных организаций в СССР. С конца 1980-х гг. она возглавила Карабахское движение за объеди-

нение Нагорного Карабаха с Республикой Армения. Можно сказать, под воздействием армянского национализма был создан «Азербайджанский народный фронт». Аналогично в Грузии в 1987 г. было создано «Общество Ильи Чавчавадзе». Однако еще в начале 1970-х гг. в Грузии прошли массовые антиправительственные протесты против решения Политбюро сделать русский официальным государственным языком республики. Национальная основа южно-кавказских неформальных движений делала их сильными и устойчивыми в противостоянии с центром.

Примечательно, что до настоящего времени формирование сильного гражданского общества с его институтами находится еще только в начальной стадии. Хотя неформалы часто участвовали в неполитических мероприятиях, интересовались вопросами культуры и окружающей среды, их основными идеями были национально-освободительская борьба и национальная самоидентификация. Даже заинтересованность в культурных, экологических и других неполитических проблемах общества имела национальную окраску.

Неформальные организации на Южном Кавказе, изначально позиционирующие себя как «гражданские», зачастую сформировались деятелями, имеющими большие политические амбиции. Эти организации, как было отмечено, очень скоро превратились из гражданских в национально-освободительские и для достижения своих национальных политических целей использовали все возможные, в том числе насильственные методы. В посткоммунистических республиках ряд национальных неформальных (неправительственных) организаций трансформировался в политические партии, а их лидеры, как правило, стремились к занятию государственных руководящих постов.

Распад СССР привел с собой «ветер перемен» для многих и разных народов, которые были объединены в большой советской империи. Южный Кавказ, а также страны Прибалтики, Средняя Азия, Россия, Украина и Молдова, входили в новый посткоммунистический период своей истории. Однако, в отличие от других постсоветских регионов, в многонациональном Южном Кавказе вспыхнула волна межэтнических конфликтов. Это были, в первую очередь, этно-территориальные конфликты между Арменией и Азербайджаном за Нагорный Карабах, между Грузией и Абхазией и между Грузией и Южной Осетией. Период активной фазы конфликтов (1990—1994 гг.) стал серьезным препятствием на пути внутреннего и внешнего развития южно-кавказских республик (Армения, Грузия, Азербайджан). В трех республиках тогда к власти пришли лидеры национальных движений: в Армении — Левон Тер-Петросян, член «комитета Карабах», лидер общенационального армянского движения (АОД), в Азербайджане — лидер «Азербайджанского народного фронта» Абульфаз Эльчибей, в Грузии — также диссидент Звиад Гамсахурдия. Все три лидера имели ярко выраженную или умеренную (А. Эльчибей) прозападную ориентацию, что не всегда соответствовало настроениям общества, которым они руководили. Этот факт стал очевидным в ходе и особенно после окончания военных действий на спорных территориях. Например, Эльчибей был вынужден уйти в отставку после неудач в карабахской войне, Гамсахурдия в результате своей националистической политики разжег грузино-южноосетинский

конфликт, что привело к гражданской войне и отставке его правительства. Что касается Тер-Петросяна, который остался на своем посту дольше коллег¹ из соседних республик, несмотря на победу в карабахской войне, вынужден был покинуть свой пост из-за разногласий с остальными ключевыми фигурами в правительстве в подходах к урегулированию карабахского конфликта. В трех республиках к власти пришли бывшие советские партийные и государственные деятели: Гейдар Алиев занимал должность первого заместителя председателя Совета Министров СССР, Эдуард Шеварднадзе был министром иностранных дел СССР, а Роберт Кочарян был активным партийным деятелем НКАО (Нагорно-Карабахская автономная область). Все три лидера имели если не пророссийскую, то умеренную ориентацию во внешней политике, в отличие от своих предшественников.

В период конфликтов развитие гражданского общества отбрасывалось на второй план. Общество, которое находится на военном положении и которое лишено самого элементарного продовольствия и бытовых товаров, не может думать о правах человека и гражданских свободах, мягко говоря, «не до этого». В итоге развитие гражданского сектора в странах Южного Кавказа пришлось на более поздние этапы.

В конце 1990-х и в начале 2000-х гг., когда государства Южного Кавказа после замораживания конфликтов в Нагорном Карабахе, Абхазии и Южной Осетии и относительного экономического роста перешли в фазу стабильной политической и социальной жизни, повысилось гражданское самосознание, общество начало замечать в первую очередь экономические, социальные проблемы и неравенство. В регионе активировались международные организации, создавались местные НПО с различными сферами деятельности. Граждане получали возможность выразить свое мнение касательно самых разных общественно-политических вопросов, занимать активную, гражданскую позицию, не боясь последствий. Отныне все сферы общества находились под «мониторингом» неправительственных организаций, и вовлеченность людей в разные гражданские инициативы постепенно увеличивалась.

Первым политическим испытанием для НПО на Южном Кавказе стали президентские выборы 2003 г. в Армении, Азербайджане и Грузии. В итоге, не без активного участия НПО, в Грузии была реализована «цветная революция роз». В двух других государствах региона выборы прошли без серьезных внутривнутриполитических потрясений и завершились победой в одном случае действующего президента (Роберт Кочарян), во втором — премьер-министра (Ильхам Алиев). Особая ситуация в Грузии имеет несколько весомых причин.

Во-первых, Грузия — более открытое государство в силу географического положения и близости к Европе, а также с выходом к морю, находится в непосредственных экономических отношениях со многими ведущими странами мира, в частности Европы.

¹ Примечательно, что все три президента: Л. Тер-Петросян, З. Гамсахурдия, А. Эльчибей являлись коллегами еще и по профессии (филологи).

Во-вторых, грузинское общество по сравнению с армянским и азербайджанским разнородно, многонационально, и там часто возникают проблемы между разными этническими и религиозными группами.

В-третьих, поскольку, как правило, в результате «цветных революций» к власти приходит прозападный режим, то факт наличия исторически прозападных настроений в грузинском обществе сыграл не последнюю роль в перевороте. Хотя цель многих НПО — конституционная смена власти в результате выборов и добровольная передача полномочий, однако сам факт неконституционной, но мирной смены власти можно считать первой победой неправительственного сектора в регионе.

Азербайджан в регионе считается самой недемократической страной с авторитарным режимом. Занимает последние места в рейтингах западных правозащитных организаций по индексу свободы слова, прессы, прав человека и т.д. Известная азербайджанская журналистка-оппозиционер Х. Исмаилова охарактеризовала режим в своей стране как «демократура, то есть диктатура, которая притворяется демократией». В Азербайджане всякие социальные протесты пресекаются силовыми структурами в начальном этапе, а до политического дело вовсе и не доходит. В 2013 г. Ильхам Алиев был избран на третий президентский срок. Если во время первого избирания Алиева, когда сын фактически «унаследовал трон у отца», оппозиция оказала сопротивление во главе с кандидатом Иса Гамбарем, то последующие выборы проходили в условиях фактической безальтернативности Алиеву.

Важную роль в формировании и функционировании гражданского общества и неправительственных организаций с середины 00-х гг. начало играть развитие и распространение информационных технологий, в частности Интернета. Это оригинальное явление породило нетрадиционные проблемы и возможности, как во внутренней политике отдельных стран, так и в системе международных отношений. Появились и распространились понятия «информационная безопасность», «информационная война» «информационное общество», «информационные технологии», «информационные ресурсы» и т.д. Теперь информационная безопасность, наравне с военно-политической и экономической безопасностью, один из ключевых компонентов национальной безопасности государства.

С помощью Интернета стала возможна мгновенная передача информации с одного уголка мира в другой и произошла визуализация информации: интернет-информация — это не только текстовые и аудиосообщения, как было раньше, но еще и фотографии, видеоматериалы. Визуальная картинка происходящего имеет в разы больше эффекта на аудиторию. Например, в 2015 г. в Ереване во время протестов в связи с повышением цен на электроэнергию изначально на митинг пришли малое количество граждан, а ночью остались всего пара десятков людей. После того, как полиция насильственными методами разогнала протестующих и это все было снято на камерах и выложено в социальных сетях, на следующий день число митингующих превысило несколько тысяч человек: власти стали перед фактом и пошли на переговоры. Такие случаи были и раньше в истории постсоветской Армении до распространения Интернета и социальных сетей, но такого

резонанса не произвели. «ЭлектрикЕреван», несмотря на то, что некоторые провокаторы среди митингующих пытались перевести протест с социального на политический, что им, конечно, не удалось, это пример мирного социального протеста граждан, индикатор наличия в Армении гражданского общества. В итоге протестующие достигли успеха, их основные требования были удовлетворены.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие основные выводы. Во-первых, несмотря на объявление гласности и перестройки и последующий за этим всплеск гражданских протестов и многочисленных митингов на территории всего СССР в период правления Горбачева в стране Советов полноценное гражданское общество не состоялось. Национальные элиты под гражданскими лозунгами осуществили свои политические планы по приобретению независимости, что автоматически привело к распаду Советского Союза. Однако эти протесты остались в памяти людей как прецедент достижения успеха в защите своих прав и интересов, пусть и националистических, с помощью активных гражданских выступлений и протестов. Этим была преодолена хроническая пассивность и бездействие советского поколения людей в процессе решения общественно-политических вопросов.

Во-вторых, политические, экономические и социальные вызовы и проблемы, с которыми сталкивались молодые государства на всем постсоветском пространстве, в частности на Южном Кавказе, способствовали развитию гражданского общества, созданию и деятельности гражданских институтов и неправительственных организаций. Последние, будучи явлением западного общества, в первое время финансировались исключительно фондами и организациями стран Западной Европы и США. Вопрос финансирования НПО и есть основная статья, по которой их деятельность подвергается серьезной критике.

И, наконец, новейшие информационные технологии, в первую очередь Интернет, стали новым вооружением в руках активных граждан в борьбе за свои права и свободы. Интернет, социальные сети сформировали глобальные сети единомышленников с разных уголков мира вне зависимости от национальной принадлежности. А с помощью СМИ люди стали более информированными и, следовательно, стали требовать от правительства принятие определенных решений.

Но главное состоит в том, что НПО и неправительственный сектор доказали свою эффективность. В настоящее время НПО в бывших республиках СССР не только порождение Запада, как было на ранних этапах. Россия и Китай тоже выделяют ресурсы на неправительственные организации за рубежом. Россия в этом плане сосредотачивает свои усилия в странах СНГ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Гуторов В.А.* Гражданское общество и теория демократии: из наследия XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 1.
- [2] *Почта Ю.М., Оберемко Т.В.* Проблема становления гражданского общества в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. № 3.
- [3] *Aliyev H.* Civil Society in the Soviet Caucasus: A Historical Analysis of Public and Private Spheres // *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*. 2013. Vol. 8. No. 15.

- [4] Aliyev H. Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy: Challenges of Democratization and Reform in the Caucasus. Palgrave McMillan, 2015.
- [5] Ayca E. Post-Soviet Political Transformation in Azerbaijan: Political Elite, Civil Society and the Trials of Democratization // *Uluslararası İlişkiler*. 2010. Vol. 7. No. 26. Режим доступа: <https://www.ciaonet.org/attachments/16924/uploads>.
- [6] Ishkanyan A. Civil society, development and environmental activism in Armenia. London: LSE, 2013.
- [7] Paturyan Y.J., Gevorgyan V. Armenian Civil Society after Twenty Years of Transition: Still Post-Communist? Turpanjian Centre for Policy Analysis: AUA, 2014.

DOI: 10.22363/2313-1438-2017-19-1-83-90

THE EMERGENCE OF MODERN NON-GOVERNMENTAL SECTOR IN THE SOUTH CAUCASUS

V.V. Hovsepyan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

With the collapse of the Soviet Union, informal social movements (“neformaly”), that began their activities at sunset of the USSR shaping a third sector of society — civil society (1st — the public sector, the second — the economic sector). The policy of “perestroika” contributed to the activation of informal movements around the Soviet Union. “Neformaly” in the center of the country and in the individual republics differed from one another by their ideological orientation. In particular, informal nationalists were popular in the South Caucasus.

Key words: non-governmental sector, NGO, civil society, South Caucasus

REFERENCES

- [1] Gutorov V.A. Grazhdanskoe obshchestvo i teoriya demokratii: iz nasledija XX veka. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologija*. 2015; 1 (in Russ.).
- [2] Pochta Ju.M., Oberemko T.V. Problema stanovlenija grazhdanskogo obshchestva v Rossii. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologija*. 2011; 3 (in Russ.).
- [3] Aliyev H. Civil Society in the Soviet Caucasus: A Historical Analysis of Public and Private Spheres. *Journal of Central Asian and Caucasian Studies*. 2013; Vol. 8; No. 15.
- [4] Aliyev H. Post-Communist Civil Society and the Soviet Legacy: Challenges of Democratization and Reform in the Caucasus. Palgrave McMillan; 2015.
- [5] Ayca E. Post-Soviet Political Transformation in Azerbaijan: Political Elite, Civil Society and the Trials of Democratization. *Uluslararası İlişkiler*. 2010; Vol. 7; No. 26. Available from: <https://www.ciaonet.org/attachments/16924/uploads>.
- [6] Ishkanyan A. Civil society, development and environmental activism in Armenia. London: LSE; 2013.
- [7] Paturyan Y.J., Gevorgyan V. *Armenian Civil Society after Twenty Years of Transition: Still Post-Communist?* Turpanjian Centre for Policy Analysis: AUA; 2014.